

КАВКАЗСКАЯ АЛАНИЯ И САСАНИДСКИЙ ИРАН: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ СОТРУДНИЧЕСТВА

Р. С. Бзаров

В статье рассматриваются особенности территориально-политической консолидации Алании VI-VII вв., которые отразились в письменных, археологических и языковых источниках. Особая роль принадлежала связям Алании с Сасанидским Ираном. В литературе отмечено участие аланских контингентов в военных операциях Ирана в Закавказье; горные же аланы той эпохи обычно представляются как наемная охрана коммуникаций, участники торговли, мигранты с равнины. Между тем значение накопленной археологами информации выходит далеко за рамки предлагаемых ими бытовых интерпретаций – ее подлинный исторический смысл проявляется лишь в контексте социальных и политических процессов. В письменных источниках, отразивших события VI-VII вв., говорится о том, что аланы – независимый народ, заключивший союз с персами, которые установили свою власть в грузинских землях, а затем укрепляли северную границу, сооружая крепости в горах Алании. При этом правитель Алании именуется персидским титулом «шах», арабским «малик», греческим «басилевс» – их принято переводить как «царь». Есть веские основания предполагать, что военно-стратегическое сотрудничество с персами использовалось как внешнеполитический инструмент для централизации власти и политической консолидации Алании. Археологические источники помогают реконструировать картину установления аланской элитой властного контроля над горными территориями. Одновременно с концентрацией власти в руках царя в VI-VII вв. идет волна сасанидского импорта, и в горной зоне появляется сеть памятников равнинной «аланской культуры». Их единые «воинские» черты, синхронность создания и локализация в ключевых точках контроля над Центральным Кавказом по обеим сторонам Главного хребта позволяют предполагать устройство постоянных наместнических центров. В фольклоре и топонимике сохранилось общее название воинского сословия, расселенного в наместнических центрах и совместных с персами укреплениях горной зоны – царциатæ (по смыслу «военные поселенцы», букв. «пограничники»).

Ключевые слова: Алания VI-VII вв., Сасанидский Иран, аланские наместнические центры, персидские военные базы, военные поселенцы царциатæ.

После Великого переселения народов аланская метрополия сосредоточилась на кавказских землях. Уже европейские авторы V в. называли Центральный Кавказ «Аланской горой» и даже указывали на кавказское происхождение алан, дошедших до Западной Европы [1, 58; 2, 117; 3, 218]. Большинство населения Алании было занято в сельском хозяйстве и ре-

месле. Никаких следов кочевания у алан VI-VII вв. источники не знают. Надо полагать, к тому времени последние кочевые группы (наподобие описанных Аммианом Марцеллином) перешли к оседлому образу жизни, оставив причерноморские и волго-донские степи под напором тюркских кочевников. Группы алан в Крыму, в междуречье Днестра и Дуная, на

Нижнем Днепре, в бассейне Дона и других местах превратились в «диаспоры», оторванные от кавказской метрополии.

Кавказская Алания VI-VII вв. была крупнейшим политическим образованием раннего средневековья в северной части Кавказа [4, 105]. Базовый этап складывания ее территории пришелся на VI-IX вв. Совокупные данные письменных, археологических, языковых, фольклорных источников позволяют заключить, что аланы занимали территорию, географически определяемую сегодня как Центральный Кавказ с примыкающей к нему равниной Предкавказья. Вопрос о соотношении ранинных и горных территорий Алании обычно обсуждается в общем контексте дискуссионных проблем исторической ономастики (прежде всего – этнонимии) и этнокультурной интерпретации памятников археологии.

Установлено, что на Предкавказской равнине Алания занимала территорию от реки Большая Лаба (западный приток Кубани) до современной Восточной Чечни, а на севере аланские земли доходили до среднего течения Терека [5, 7-9, 107; 6, 132-133; 7, 213-219; 8]. Археологически население равнины представлено сложной системой городищ, сопровождаемых катакомбными и грунтовыми могильниками. Извлекаемый при изучении этих памятников материал (керамика, украшения, орудия труда, оружие, конская упряжь и проч.) в различных вариантах характерный для всех аланских групп Евразии, принято определять в качестве классической «аланской культуры» [9; 10; 6, 157-167].

Горная территория Алании формировалась на северном склоне Кавказа от истоков Кубани до района Дарьяла, а на южном склоне – между Мамисонским и Крестовым перевалами. В «Армянской географии» VII в. названы этнотерриториальные группы населения горной зоны [2, 368-371, 389; 11; 7, 182-184, 220], кото-

рые формировались в предшествующую эпоху, а в позднем средневековье составили основу областного деления горной Алании-Осетии. Локальные варианты археологической культуры горцев уходят истоками в кобанскую эпоху (поздней бронзы и раннего железа). Этнокультурное и военно-политическое взаимодействие горных групп с иранскими (скифскими, затем сарматскими) племенами Предкавказья происходило с VII в. до н.э. ([12; 13, 20-32, 44-50]; историография в кн.: [14, 110-117]), а в подразделения аланской народности они превратились только в средние века. В восточной части средневековой Алании (в нынешней Алании-Осетии), сохраняющей ее этноязыковую традицию, субэтнические и областные группы *ир*, *дигор*, *кудар*, *туал* до настоящего времени сохраняют языковые и этнографические особенности.

Большинство историков осторожно определяют форму политического устройства Алании той эпохи как конфедерацию или союз, возглавляемый царем ([15, 16; 7, 103; историография в кн.: 16, 21-33]). Своеобразная «пунктирность» аланского политогенеза вызвана феноменальной шириной рассеяния демографических ресурсов, резкими изменениями территориально-хозяйственной базы социального роста на фоне военно-политических и цивилизационных сдвигов евразийского масштаба. Сложность социально-политической квалификации кавказской Алании раннего средневековья вызвана не только фрагментарностью имеющейся информации, но также очевидным стадийным разнообразием объединенных в ней этнотерриториальных групп.

Показатели социального, политического и хозяйственного роста хорошо известны из письменных и археологических источников. К старым аланским городищам в VI-VII вв. добавилась густая сеть новых укрепленных поселений

– их известно сегодня около трехсот [6, 143-150; 17, 116-134; 18, 84]. На берегах пограничных рек городки-крепости тянулись сплошной линией с интервалом в несколько километров. Конечно, политическую устойчивость Алании и ее участие в международных делах невозможно представить без экономической основы. Со строительством новых поселений увеличивалась площадь обрабатываемых земель. Развитие ремесленного производства и зрелая художественная традиция воплотились в произведения аланских мастеров [18, 85-86].

Геополитический и геоэкономический потенциал Алании лег в основу ее политической устойчивости и нарастающего влияния в международных делах. Северными степными соседями раннесредневековой Алании были сменявшие друг друга объединения тюркских кочевников – савиры и болгары, Тюркский и Хазарский каганаты. На юге Алания граничила с иберийскими землями, входившими в состав Ирана. В недалеком соседстве с Аланией находились и владения другой мировой державы средневековья – Византии. Защита Закавказья от северных кочевников была сферой ответственности Ирана по договору с Византией [19, 116; 7, 53]. Соперничество в Закавказье и борьба за средиземноморскую торговлю привели к ирано-византийским войнам, которые продолжались весь VI и первую треть VII в. Обе державы искали союза с аланами, стремясь использовать их военный и геополитический потенциал в своей борьбе за утверждение в Закавказье.

По территории Алании проходили удобные торговые трассы и стратегические перевальные дороги, связывавшие степи Юго-Восточной Европы со странами Передней Азии. В VI в. из-за ирано-византийских войн на территорию Алании переместилась трасса Великого шелкового пути. По Алании шли караваны с дорогим китайским и согдийским

шелком, иранскими, сирийскими и египетскими товарами [6, 164]. Примечательна активность, с которой даже горные области Алании были вовлечены в систему евроазиатского сотрудничества и обмена VI-VIII вв. Примером может служить хорошо изученный археологами район верховьев р. Ардон (Северная Осетия). Здесь издревле проходил один из важнейших военно-стратегических и караванных путей – транскавказская дорога через Мамисонский перевал. В катакомбных могильниках этого района много импорта – сасанидские и византийские монеты, фрагменты китайского и согдийского шелка, бусы из стран Ближнего Востока и Северной Европы.

В сасанидских надписях аланы упоминаются со второй половины III в. как хозяева земель, лежащих за внешней границей зоны персидского контроля. Напротив, страны внутри этого пространства рассматривались в качестве вассальных – в их числе Иберия, Албания и др. [21, 24-25]

Ни персы, ни их наследники арабы не пытались завоевать Центральный Кавказ, видимо, понимая огромную трудность (скорее – невыполнимость) такой задачи. История закрепила за этим регионом противоречивую роль рубежа (барьера и одновременно моста) между цивилизациями Восточной Европы и Передней Азии. Нужно признать, аланы весьма эффективно пользовались выгодами геополитического положения своей страны. В частности, правящая аланская элита активно использовала внешнеполитические инструменты и прежде всего союз с Сасанидским Ираном для территориально-политической консолидации – укрепления власти царя и форсированного подчинения высокогорья, т.е. есть важнейших шагов на пути создания системы централизованного управления.

Процесс политической консолидации Алании VI-VII вв. достаточно ярко от-

разился в письменных и археологических источниках. Аланская история этого времени издавна вызывает интерес исследователей. В центре их внимания находятся и взаимоотношения Алании с Ираном [22; 23, 212-229; 24; 25; 26]. Накопившихся к настоящему времени наблюдений достаточно для создания общей схемы социально-политических закономерностей формирования этнотерриториального образа средневековой Алании. Представляется, что в VI-VII вв. одним из важнейших инструментов и катализаторов этого процесса послужил союз аланской элиты с Сасанидским Ираном.

Источники VI в. подчеркивают тесный военно-политический союз алан с Ираном. Прокопий Кесарийский пишет об Алании: «Всю страну, которая простирается от горы Кавказ до Каспийских ворот, населяют аланы, народ независимый, из которого большая часть является союзниками персов и выступает против ромеев и других их врагов». Горой Кавказ Прокопий называл Эльбрус, а Каспийскими воротами – Дарьяльский проход [27, 136]. «Аланы, или древние осетины, никогда не были подчинены сасанидскими властями: ни монархией, ни духовенством», – так итальянский исследователь Г. Ньюли резюмировал изучение персидских источников [21, 38-39].

Заинтересованность Ирана в союзнничестве алан имела две стороны. Во-первых, аланские военные контингенты были неоценимым подспорьем в военных операциях, которые Иран вел в Закавказье. Во-вторых, Алания служила надежным барьером против набегов кочевников из северных степей, предоставляя свою территорию для строительства совместных военных баз и укреплений, делавших перевалы Центрального Кавказа непреодолимыми для врага.

В грузинской хронике «Обращение Грузии», сохранившей память о событиях VI в., говорится о том, как, установив

свою власть в грузинских землях, персы укрепляли северную границу – «соорудили они себе врата Овсети (грузинское имя Алании)», т.е. крепости в горах. При этом информированный источник детализирует их расположение: «одни большие врата – в собственно Овсети и двое (вариант – четверо) врат – в Двалетии (грузинское название аланской высокогорной области по обеим склонам Кавказа)», «и тех горцев поставили сторожевыми». Археологический материал подтверждает наличие подобных укреплений, крупнейшее из них связывается с Дарьялом [22, 73-74; 7, 181].

Исследователи полагают, что Дарьяльское и Хумаринское укрепления, заградительные стены в Дальяльском, Куртатинском (Хилак), Алагирском (Касара), Кобанском (Кахтисар) ущельях были составными частями оборонительной линии, построенной персами вдоль Кавказского хребта [28, 65; 29, 47; 30, 51-65; 24]. В 1848 г. заградительную стену у селения Бугултыкау в Хилаке описал В.С. Толстой: «...кладенная стена поперек ущелья, имеющего тут около трехсот сажень, упирающаяся краями об отвесные высокие скалы, а посередине над руслом реки Фиак-дон перекинута широкая каменная арка, по которой продолжалась дорога, идущая поверх стен. Стена столь толста, что свободно можно по ней ездить повозкою, а внутри ее были жилые покои с бойницами, обращенными к прилегающим снеговым горам» [31, 100].

Насколько можно судить, складывание системы персидских укреплений и военных баз на аланском Центральном Кавказе (во всяком случае, в ее основных программных частях) относится к правлению шахиншаха Хосрова I Ануширвана (531–579), при котором Сасанидский Иран достиг наивысшего могущества.

Судя по участию аланских контингентов в ирано-византийских войнах, правители Алании превратили военное на-

емничество в действенный инструмент внешней политики и важную статью дохода. Хронология военных предприятий и дипломатических альянсов, хорошо известная науке, оставляет впечатление успешной внешнеполитической игры, укрепляющей власть и международное влияние аланского царя – это хорошо видно на примере Саросия, правившего в середине VI в. [7, 95-97; 2, 251-255, 263-269; 6, 134].

С середины VI в. упоминается верховный правитель, соединивший в своих руках функции военного предводительства и управления, активно представлявший интересы страны на международной арене. В источниках правитель Алании именуется персидским титулом «шах», арабским «малик», греческим «басилевс», что принято переводить как «царь» [1, 125; 2, 275; 4, 105].

Носители «равнинной» аланской культуры появляются в горах в VI-VII вв. В литературе отмечена роль аланских коммуникаций в международной торговле и участие аланских контингентов в военных операциях Ирана в Закавказье. Горные же носители аланской археологической культуры обычно представляются как наемная охрана коммуникаций, участники торговли, мигранты с равнины. Между тем значение накопленной археологами информации выходит далеко за рамки предлагаемых ими бытовых интерпретаций, – ее подлинный исторический смысл проявляется лишь в контексте социальных и политических процессов.

Археология помогает реконструировать картину установления господствовавшей на равнине этносоциальной группировкой властного контроля над горными территориями. Нельзя не заметить, что одновременно с концентрацией власти в руках царя в VI-VII вв. появляется сеть катакомбных могильников в горной зоне (в нынешней Южной и Северной

Осетии, в долине Арагвы, в ключевых точках контроля над перевальными дорогами Балкарии и Карачая). Археологи склонны усматривать в этом процессе заметное влияние внешнеполитического фактора – связей Западной и Восточной Алании соответственно с Византией и Ираном [32, 22-50; 22; 7, 92]. Встраивая результаты археологического историко-коведения в рамки общей исторической картины, нужно обратить внимания на особенности этих памятников. Они в целом характерны для равнинной «аланской культуры» и ясно указывают на высокий общественный статус расселенных в горах людей с равнины, принадлежавших к воинской элите. Специальные признаки привилегированности (включая такой яркий показатель, как деформированные черепа) и само появление могильников, маркирующее в аланской традиции укоренение на новых местах, позволяют предполагать устройство постоянных наместнических центров в горных областях. Синхронность создания в предгорьях и горах Центрального Кавказа по обе стороны Главного хребта подобных центров, а также их культурная идентичность, выявляемая археологией, подтверждают единый социально-исторический контекст их появления.

Следует, по-видимому, различать персидские военные базы с аланскими гарнизонами и царские наместнические центры в горных областях. Первые расположены в ключевых геополитических пунктах, их немного. Число вторых должно быть на порядок больше – и оно действительно прирастает от десятилетия к десятилетию с открытием новых археологических памятников. Понятно, что «ансамбль» (комплекс памятников), идентифицируемый как раннесредневековый наместнический центр, предполагает не только катакомбный могильник, но и укрепленное городище (вариант: селище и цитадель-«замок»). К сожалению,

выявленных, а тем более исследованных горных поселений рассматриваемой эпохи пока очень немного.

Состояние источников позволяет отметить функциональную (т.е. «историческую», или социально-политическую) типологию выявленных памятников. Можно выделить три основные группы.

Первая, или «геополитическая», включает военные базы и крепости, построенные персами по северному фронту Кавказского хребта (например, заградительные стены и «врата Овсети» грузинского источника).

Вторая группа, «коммуникационная» по преимуществу, территориально привязана к контрольным пунктам вдоль главной транскавказской магистрали, шедшей по горному коридору Терека и Арагвы. К этой группе должны быть отнесены находки в Мцхете, Жинвали, Алеу, Агайани – Р.Г. Дзаттиаты предложил считать найденных там носителей аланской археологической культуры «воинами, нанятыми центральной властью для охраны торговых путей и торгово-экономических центров» [22, 73]. Конечно, можно согласиться и с такой функцией, если считать ее одним из многих проявлений всеобъемлющего контроля над стратегическими коммуникациями. Впрочем, и в этом случае желательно оговорить существование двух центров власти – несопоставимых по военной мощи и политическому масштабу – но все-таки двух и при этом союзных.

Наконец, третья группа памятников – по преимущественной функции «наместническая», в нее должны входить горные аланские памятники VI-VIII вв. (например, Дагом, Садон, Даргавс, Едыс и Калак). К этой же группе принадлежит, по-видимому, и дигорский Бахайта. Здесь трудно согласиться с оценкой Дзаттиаты, представившего живших в Едысе алан как «специальную охрану одного из важных пунктов на торговой магистрали»

[33, 47]. Главная социально-политическая функция наместнических центров – власть над горной территорией и ее населением, без которой невозможны ни контроль над перевальными дорогами, ни доверие персидских союзников.

Аланские военные поселенцы оставили неизгладимый след в исторической памяти народа. Единый военный, социально-политический и этнокультурный контекст появления в горах носителей равнинной «аланской культуры» подтверждается фольклорной и топонимической традицией. В статье автора этих строк о горном укреплении Бахайта уже было высказано предположение о том, что аланское воинское сословие, расселенное в наместнических центрах и укреплениях горной зоны, обозначалось термином *царциатæ*, заключавшем в себе определение этносоциального статуса и этнополитической функции – привилегированные «военные поселенцы», «пограничники».

Обсуждение проблемы этнической принадлежности населения, известного в осетинской устной традиции под именем *царциатæ*, давно привело исследователей к выводу о том, что *царциатæ* – это аланская группа (сводные данные см.: [34, 25-58]). В работах Р.Г. Дзаттиаты [33] и Ю. А. Дзиццойты [35] сделан обзор археологических, фольклорных, языковых источников и подведены некоторые итоги. Убедительная этимология, предложенная Дзиццойты, возводит термин *царциатæ* к основе *царца-* в значении «край, пограничный, сторона». По мысли автора, имя *царциатæ*, означающее «окраинные (жители)», сначала было иноназванием, которым на аланской равнине именовали горное население, а когда в постмонгольское время равнинные жители мигрировали в горы, там *царциатæ* воспринимались ими уже как предшественники [35, 57-60]. Исторические материалы (в том числе хроноло-

гия «царциатских» археологических памятников) позволяют скорректировать историко-культурную реконструкцию Дзицойты. Насколько можно судить, термином *царциатæ* обозначалось воинское сословие, расселенное в наместнических центрах и укреплениях горной зоны – для политического контроля над областными или этнотерриториальными группами горского населения, для охраны коммуникаций и гарнизонной службы (в том числе на персидских военных базах). В этом случае имя *царциатæ* должно было указывать на повышенный социальный статус и военно-управленческие функции. Такому положению вполне соответствует и сохранение самобытного «царциатского» эпоса, по определению посвященного жизни и подвигам военной элиты, и фольклорные известия о соседстве царциатов и нартов, и традиция отождествления или «взаимозаменяемости» царциатов и нартов [36, 252-254; 35, 55-56].

Таким образом, письменные источники, богатый археологический материал, факты языка и фольклора свидетельствуют о сложных социальных и поли-

тических процессах раннего аланского средневековья. Есть веские основания предполагать, что на фоне военно-стратегического сотрудничества с Сасанидским Ираном шел процесс «собирания горных земель», происходила политическая консолидация Алании и концентрация власти в руках царя. Единый военный и социально-политический контекст появления в горной зоне памятников равнинной «аланской культуры», синхронность их создания в VI-VII вв. и локализация в ключевых точках контроля над горными областями позволяют предполагать устройство постоянных наместнических центров, сеть которых и составила перспективную основу для общего управления и этнокультурной унификации.

Иными словами, союз с Сасанидским Ираном был эффективным инструментом формирования территориально-политической и военно-административной системы средневекового Аланского царства, одним из важнейших факторов складывания этносоциальной и этнополитической структуры средневековой аланской народности.

-
1. Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000.
 2. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
 3. Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерк истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998..
 4. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
 5. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ч. 3. Исследования. (Ученые записки Императорского Московского университета. Вып. 8). М., 1887.
 6. Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы: века и народы. М., 1984.
 7. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.
 8. Кузнецов В. А. Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М., 1997. С. 153-176.
 9. Абрамова М. П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // Советская археология. 1978. № 1. С. 76-82.

10. Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа (Материалы и исследования по археологии СССР. № 106). М., 1962.
11. Еремян С. Т. Опыт восстановления первоначального текста «Ашхарацуйц» // Историко-филологический журнал АН Армянской ССР. 1972. № 4. С. 238-252.
12. Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры. М., 1992.
13. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII-IV вв. до н.э. Киев, 1983.
14. Гутнов Ф. Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, 2001.
15. Гадло А. В. Основные этапы и тенденции этносоциального развития этнических общностей Северного Кавказа в период раннего средневековья // Вестник ЛГУ. 1986. Сер. 2. Вып. 1. С. 11-24.
16. Коробов Д. С. Социальная организация алан Северного Кавказа IV-IX вв. СПб., 2003.
17. Ковалевская В. Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2005.
18. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
19. История Ирана/ред. М. С. Иванов. М., 1977.
20. Иерусалимская А. А. «Великий Шелковый путь» и Северный Кавказ. Л., 1972.
21. Ньюли Г. Название алан в сасанидских надписях. Владикавказ, 2002.
22. Дзаттиаты Р. Г. Алано-сасанидские отношения по материалам археологических раскопок в Южной Осетии // Аланы и Кавказ. Владикавказ – Цхинвал, 1992. С. 71-82.
23. Гутнов Ф. Х. Заметки об ирано-аланских контактах // Дарьял. 2007. № 5. С. 212-229.
24. Туаллагов А. А. Limes Sasanicus и аланы // Вестник СОГУ. 2018. № 1. С. 48-52.
25. Малахов С. Н. К истории алано-иранских этнокультурных контактов в раннем средневековье (сасанидская гемма из ст. Алексеевской Краснодарского края) // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 43-50.
26. Цуциев А. А. Сасанидские монеты в археологических памятниках севера и юга Осетии // Материалы международной научной конференции «Этногенез и этническая история осетин». Цхинвал, 2014. С. 56-59.
27. Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.
28. Тменов В. Х. Зодчество Средневековой Осетии. Владикавказ, 1995.
29. Сланов А. А. Кавказский оборонительный комплекс эпохи раннего средневековья // Вестник СОГУ. 2013. № 3. С. 45-48.
30. Гаджиев М. С. Хумара: некоторые строительные параллели и проблема датировки укреплений // Очерки средневековой археологии Кавказа. М., 2013. С. 51-65.
31. Толстой В. С. Сказание о Северной Осетии. Владикавказ, 1997.
32. Ковалевская В. Б. Методические приемы выделения аланских древностей I тыс. н.э. в Закавказье // Аланы и Кавказ. Владикавказ – Цхинвал, 1992. С. 22-50.
33. Дзаттиаты Р. Г. Царциатские памятники: Едысское городище и могильники. Владикавказ, 2006.
34. Калоев Б. А. Осетины. М., 1971.
35. Дзиццойты Ю. А. К этнической истории Южной Осетии: мифический народ царциатæ // Вопросы осетинской филологии. Цхинвал, 2017. Т. I. С. 52-60.
36. Дзиццойты Ю. А. Нарты и их соседи. Владикавказ, 1992.

Bzarov, Ruslan S. – Institute for History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania (Vladikavkaz, Russia); bzarty@mail.ru

CAUCASIAN ALANIA AND SASANIAN IRAN: SOCIO-POLITICAL MECHANISM OF COOPERATION.

Keywords: *the 6-7th century Alania, Sasanian Iran, Alanian permanent vicegerent centers, Persian military bases, military settlers the tsartsiatia.*

The present article highlights peculiarities of territorial and political unity of Alania in the VI-VIIIth cent., which were reflected in written, archaeological and language sources. Of special importance were the relations of Alania and Sasanian Iran. The participation of Alanian forces in the military operations of Iran in the South Caucasus is noted in the literature; as for the mountain Alanians of that epoch, they were represented as the mercenary guards of communications, trade participants, and migrants from the plain. However, the significance of the information, accumulated by the archaeologists, goes beyond the suggested common interpretations, its original historical implication is revealed only in the context of social and political processes. In written sources, which reflected the events of the VI-VIIIth cent., the Alans are referred to as independent people, who concluded an alliance with the Persians, who, in their turn, established their rule in the Georgian lands, and then strengthened the northern border, constructing fortresses in the mountains of Alania. It should be noted that the ruler of Alania is referred to with the Persian title «shah», the Arab «malik» and the Greek «basileus», which are traditionally translated as «king». There are solid grounds to suppose that the military strategic cooperation with the Persians was used as a foreign policy instrument for greater concentration of power and political unity of Alania. Archaeological sources help to reconstruct the picture of instituting control over the mountainous territories by the Alanian nobles. Along with centralizing of the royal power in the VI-VIIIth cent., there is a wave of Sasanian import and in the mountainous areas there appears a net of monuments of the plain «Alanian culture». Their common «military» features, simultaneity of creation and location in the key points of control over the Central Caucasus on both sides of the Greater Mountain Range allow to presume the establishment of permanent vicegerent centres. In the folklore and in the toponymy there is a common name for the military estate, which settled in the vicegerent centres and in the conjoint with the Persians fortresses of the mountain area – tsartsiatia (by implication «military settlers», literally «frontier guards»).

REFERENCES

1. Kulakovskiy, Yu. A. *Izbrannyye trudy po istorii alanov i Sarmatii* [Selected works on the history of Alans and Sarmatia]. St. Petersburg, Aleteiya, 2000. 318 p.
2. Alemany, A. *Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh* [Alans in ancient and medieval written sources]. Moscow, Menedzher, 2003. 614 p.
3. Petrukhin, V. Ya, Raevskiy, D.S. *Ocherk istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e* [Essay on the history of the peoples of Russia in ancient and early middle ages]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1998. 386 p.
4. Novoseltsev, A. P. *Khazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza* [The Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus]. Moscow, Nauka, 1990. 266 p.
5. Miller, V. F. *Osetinskie ehtyudy. Ch. 3. Issledovaniya* [Ossetian etudes. Part 3. Research]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Moskovskogo universiteta. Vyp. 8* [Scientific notes of the Imperial Moscow University. Iss. 8]. Moscow, 1887. 216 p.
6. Kovalevskaya, V. B. *Kavkaz i alany: veka i narody* [Caucasus and Alans: centuries and peoples]. Moscow, Nauka, 1984. 192 p.

7. Kuznetsov, V. A. *Ocherki istorii alan* [Essays on the history of Alans]. Vladikavkaz, Ir, 1992. 392 p.
8. Kuznetsov, V. A. *Iranizatsiya i tyurkizatsiya Tsentral'nokavkazskogo subregiona* [Iranization and Turkization of the Central Caucasus subregion]. *Pamyatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na yuge Vostochnoi Evropy* [Monuments of pre-Scythian and Scythian times in the South of Eastern Europe]. Moscow, 1997, pp. 153-176.
9. Abramova, M. P. *K voprosu ob alanskoj kul'ture Severnogo Kavkaza* [On the issue of the Alan culture of the North Caucasus]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology]. 1978, no. 1, pp. 76-82.
10. Kuznetsov, V. A. *Alanskije plemena Severnogo Kavkaza. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. № 106)* [Alan tribes of the North Caucasus. (Materials and research on archaeology of the USSR)]. Moscow, Nauka, 1962. 134 p.
11. Eremyan, S. T. *Opyt vosstanovleniya pervonachal'nogo teksta «Ashkharatsuits»* [The experience of restoring the original text of the «Ashkharatsuits»]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal AN Armyanskoi SSR* [Armenian SSR Academy of Sciences Historical-philological journal]. 1972, no. 4, pp. 238-252.
12. Pogrebova, M. N., Raevsky, D. S. *Rannie skify i drevnii Vostok. K istorii stanovleniya skifskoi kul'tury* [Early Scythians and ancient East. To the history of the formation of Scythian culture]. Moscow, Nauka, 1992. 260 p.
13. Ilinskaya, V. A., Terenozhkin, A. I. *Skifiya VII-IV vv. do n.e.* [Scythia of the VII-IV centuries BC]. Kiev, Naukova dumka, 1983. 380 p.
14. Gutnov, F. Kh. *Rannie alany. Problemy etnosotsial'noi istorii* [Early Alans. Problems of ethno-social history]. Vladikavkaz, Ir, 2001. 256 p.
15. Gadlo, A. V. *Osnovnye etapy i tendentsii etnosotsial'nogo razvitiya etnicheskikh obshchnostei Severnogo Kavkaza v period rannego srednevekov'ya* [The main stages and trends of ethno-social development of ethnic communities of the North Caucasus in the early middle ages]. *Vestnik LGU* [Bulletin of Leningrad State University]. 1986, 2nd series, iss. 1, pp. 11-24.
16. Korobov, D. S. *Sotsial'naya organizatsiya alan Severnogo Kavkaza IV-IX vv.* [The social organization of the Alans in the North Caucasus in IV-IX centuries]. St. Petersburg, Aleteiya, 2003. 379 p.
17. Kovalevskaya, V. B. *Kavkaz – skify, sarmaty, alany I tys. do n.e. – I tys. n.e.* [Caucasus – Scythians, Sarmatians, Alans of the 1st Millennium BC – 1st Millennium AD]. Moscow, 2005. 395 p.
18. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow, Nauka, 1981. 304 p.
19. Ivanov, M. S. (ed.) *Istoriya Irana* [History of Iran]. Moscow, Moscow State University, 1977. 488 p.
20. Ierusalimskaya, A. A. «Velikii Shelkovyi put'» i Severnyi Kavkaz [The Great Silk Road and the North Caucasus]. Leningrad, 1972. 14 p.
21. Gnoli, G. *Nazvanie alan v sasanidskikh nadpisyakh* [The name of the Alans in the Sasanian inscriptions]. Vladikavkaz, Ir, 2002. 50 p.
22. Dzattiaty, R. G. *Alano-sasanidskie otnosheniya po materialam arkheologicheskikh raskopok v Yuzhnoi Osetii* [Alanian-Sasanian relations reflected in the materials of archaeological excavations in South Ossetia]. *Alany i Kavkaz* [Alans and Caucasus]. Vladikavkaz – Tskhinval, 1992, pp. 71-82.
23. Gutnov, F. Kh. *Zametki ob irano-alanskikh kontaktakh* [Notes on Iranian-Alanian contacts]. *Dar'yal* [Darial]. 2007, no. 5, pp. 212-229.

24. Tuallagov, A. A. *Limes Sasanicus i alany* [Limes Sasanicus and the Alans]. *Vestnik SOGU* [Bulletin of North Ossetian State University]. 2018, no. 1, pp. 48-52.

25. Malakhov, S. N. *K istorii alano-iranskikh etnokul'turnykh kontaktov v rannem srednevekov'e (sasanidskaya gemma iz st. Alekseevskoi Krasnodarskogo kraia)* [On the history of Alano-Iranian ethno-cultural contacts in the early Middle Ages (Sassanian gem from Alekseevskaya village, Krasnodar region)]. *Metodika issledovaniya i interpretatsiya arkhologicheskikh materialov Severnogo Kavkaza* [Research methodology and interpretation of archaeological materials of the North Caucasus]. Ordzhonikidze, 1988, pp. 43-50.

26. Tsutsiev, A. A. *Sasanidskie monety v arkhologicheskikh pamyatnikakh severa i yuga Osetii* [Sasanian coins in archaeological monuments of North and South Ossetia]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Etnogenez i etnicheskaya istoriya osetin»* [Proceedings of the international scientific conference «Ethnogenesis and ethnic history of Ossetians»]. Tskhinval, 2014, pp. 56-59.

27. Gagloiti, Yu. S. *Alany i voprosy etnogeneza osetin* [Alans and the questions of the ethnogenesis of the Ossetians]. Tbilisi, Metsniereba, 1966. 258 p.

28. Tmenov, V. Kh. *Zodchestvo Srednevekovoi Osetii* [The Architecture of Medieval Ossetia]. Vladikavkaz, RIPP im. V. A. Gassieva, 1995. 437 p.

29. Slanov, A. A. *Kavkazskii oboronitel'nyi kompleks epokhi rannego srednevekov'ya* [Caucasian defense system of the early middle ages]. *Vestnik SOGU* [Bulletin of North Ossetian State University]. 2013, no. 3, pp. 45-48.

30. Gadzhiev, M. S. *Khumara: nekotorye stroitel'nye paralleli i problema datirovki ukrepleni* [Khumara: some construction parallels and the problem of the dating of the fortification]. *Ocherki srednevekovoi arkhologii Kavkaza* [Essays of medieval archaeology of the Caucasus]. Moscow, 2013, pp. 51-65.

31. Tolstoy, V. S. *Skazanie o Severnoi Osetii* [The Saga of North Ossetia]. Vladikavkaz, Iriston, 1997. 126 p.

32. Kovalevskaya, V. B. *Metodicheskie priemy vydeleniya alanskikh drevnostei I tys. n. e. v Zakavkaz'e* [Methods of selection Alan antiquities of the I Millennium BC in Transcaucasia]. *Alany i Kavkaz* [Alans and Caucasus]. Vladikavkaz – Tskhinval, 1992, pp. 22-50.

33. Dzattiaty, R. G. *Tsartsiatskie pamyatniki: Edysskoe gorodishche i mogil'niki* [Tsartsiata monuments: Edys settlement and burial grounds]. Vladikavkaz, Ir, 2006. 175 p.

34. Kaloev, B. A. *Osetiny* [Ossetians]. Moscow, Nauka, 1971. 357 p.

35. Dzitstsoity, Yu. A. *K etnicheskoi istorii Yuzhnoi Osetii: mificheskii narod tsartsiatae* [On the ethnic history of South Ossetia: the mythical people tsartsiatae]. *Voprosy osetinskoj filologii* [Issues of Ossetian Philology]. Tskhinval, Respublika, 2017, vol. I, pp. 52-60.

36. Dzitstsoity, Yu. A. *Narty i ikh sosedi* [Narts and their neighbors]. Vladikavkaz, Alaniya, 1992. 278 p.